

Х Р О Н И К А



ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКЕ¹

1

В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью.

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, 1946, стр. 160—161.

Успехи этнографической работы в Литовской, Латвийской и Эстонской советских республиках теснейшим образом связаны с тем общим хозяйственным и культурным подъемом, который переживают в наши дни народы Прибалтики, вступившие в важнейший период своей истории, — период окончательной победы социализма и закладки основ коммунистического общества. Вместе с тем особенности изучения культуры и быта прибалтийских национальностей могут быть правильно поняты и оценены только при учете своеобразного пути исторического развития самих этих национальностей. Богатая и самобытная культура литовцев, латышей и эстонцев складывалась на протяжении многих столетий в активном взаимодействии с соседними народами, в первую очередь с восточными славянами и в упорной борьбе с иноземными захватчиками — немецкими «псами-рыцарями», шведскими и датскими феодалами, польскими шляхтичами. После вхождения прибалтийских стран в состав России в XVIII в. их трудящееся население продолжало борьбу за свои жизненные интересы одновременно против великодержавного бюрократического государства, против немецких баронов и польских панов, сохранивших при царизме свои экономические и политические позиции, и против нарождающейся доморощенной буржуазии. В то же время хозяйственные и культурные связи широких народных масс Прибалтики с великим русским народом не только не ослабели, но значительно окрепли и углубились. Связи эти питали и первые этнографические исследования, начавшиеся в Литве, Латвии и Эстонии с середины XIX столетия и проходившие в непосредственном контакте с работами русских ученых и научных организаций.

На заре развития этнографической науки в Прибалтике появились не утратившие своего значения и в наши дни работы акад. М. А. Шегрена о ливах, выполненные по поручению Русского географического общества и частично опубликованные в его «Записках» за 1847 г. Под прямым влиянием русских революционных демократов — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова — находились лучшие представители прибалтийской интеллигенции, возглавившие борьбу за раскрепощение своих народов, за развитие их национальных культур. Воинствующий характер этой борьбы хорошо передал в своих «Грех патристических речах» (1870) руководитель демократического лагеря в движении эстонского национального возрождения — К. Р. Якобсон, который считал столетия немецкого господства периодом тьмы, а все время (70-е—80-е годы) — временем утренней зари, предвещающей восход солнца свободы. Немецкому мракобесию Якобсон и его последователи противопоставляли русскую прогрессивную культуру, связям с Германией, Скандинавией и Финляндией — дружбу с русским народом. Национальное возрождение в странах Прибалтики находило свое выражение также в изучении народного

¹ Статья основана главным образом на материалах, собранных автором во время научной командировки в Прибалтику в январе — феврале 1949 г.

быта и творчества, в организации массовых певческих праздников, в собирании и издании эпоса и других видов фольклорных произведений. В Литве огромную роль в развитии интереса к жизни трудового народа сыграла относящаяся еще к XVIII в. эпопея основоположника литовской литературы П. Донелайтиса «Времена года». В Латвии символом борьбы за национальное освобождение стал образ легендарного народного героя Лачплесиса, победившего «черного рыцаря» — немца. В Эстонии аналогичное значение имел собранный и обработанный Фр. Крейцвальдом народный эпос «Калевипоэг» (Сын Калева). Тесные связи прибалтийских этнографов с русскими не ослабевали. По поручению Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии проводил свои работы один из самых выдающихся латышских народоведов — Фр. Бривземнек. С Казанским научным центром была связана исследовательская деятельность крупного эстонского лингвиста и этнографа — М. П. Веске. В контакте с русскими учеными работали в конце XIX и начале XX вв. также литовские этнографы и фольклористы — Э. Вольтер, Басанович, Видунас (Староста), Матулайтис А. и П. Юшкевичи и др. Эту генеральную линию развития науки и культуры прибалтийских народов прекрасно выразил латышский народный поэт Я. Райнис, в лучшие годы своей жизни бывший активным борцом за дело рабочего класса и членом большевистской организации. В апреле 1916 г. Райнис опубликовал документ, в котором призывал к созданию «свободной Латвии в свободной России».

В первые десятилетия нашего века трудящиеся Прибалтики плечом к плечу с рабочим классом и крестьянством всей России боролись с царизмом, с помещиками и капиталистами. В революции 1905 г. латышский пролетариат, по словам В. И. Ленина, занимал «одно из первых, наиболее важных мест... Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу... латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»². В ноябре 1917 г. над Прибалтикой, как и над всей страной, взвилось красное знамя социалистической революции. Под руководством большевиков трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии свергли угнетателей и завоевали свободу. Однако с помощью немецких оккупантов, а позднее — империалистов Антанты, реакционная буржуазия прибалтийских стран потопила в крови революционное движение и установила в них на целых два десятилетия режим диктатуры капиталистов и помещиков. Вопреки воле трудящихся Прибалтика была отделена от Советской России. «Независимые» буржуазные республики стали «санитарным кордоном» империалистов на границах СССР. Недаром Клемансо называл эти республики «колючей проволокой». Глубокий экономический и культурный упадок в прибалтийских странах в 1920—1939 гг. сопровождался настоящей деградацией науки и господством в ней расистских и националистических концепций, связанных с реакционными историко-этнографическими «школами» в Германии, Скандинавии, Финляндии и Польше. К этому мрачному времени относятся, например, выступления на страницах журнала «Солнце Латвии» проф. Э. Паэгле, который стремился «доказать», что Прибалтика была центром формирования праиндоевропейской культуры, будто бы распространившейся отсюда путем последовательных миграций вплоть до Индии и Пиренейского полуострова. Ученый коллега Паэгле — М. Силиниек — подтасовывая факты, пытался выделить «чистый» латышский антропологический тип — короткоголовый, круглолицый и светлый — и даже связать этот тип с определенной формой орнамента (без применения черного цвета). Третий латвийский расист — проф. Аболс — не остановился перед прямой фальсификацией: для «доказательства» существования у древних латышей своей письменности он нанес на музыкальный инструмент «коккле» — рунические письмена, выдав их за подлинные, якобы относящиеся к 1270 г.

Свергнув в 1940 г. буржуазный строй и войдя в состав СССР, народы Прибалтики только в течение 11 месяцев имели возможность мирно работать над экономическим, общественным и культурным преобразованием своих стран на основе социализма. Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз прервало созидательный труд литовцев, латышей и эстонцев, которые, вместе с другими народами нашей Родины, встали с оружием в руках на защиту своего нового социалистического отечества. Под мощными ударами Советской Армии, в составе которой действовали национальные литовские, латышские и эстонские части, фашистские разбойники во второй половине 1944 г. очистили почти всю Прибалтику. Зажатые в клещи между Лепаяй и Тукумсом, 30 немецких дивизий сдались в мае 1945 г. С первых же дней после освобождения в прибалтийских республиках закипела самоотверженная восстановительная работа, которая, благодаря помощи со стороны Советского правительства, Всесоюзной коммунистической партии и лично товарища И. В. Сталина, в небывало короткие сроки привела к новому расцвету экономики и культуры в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. С 1948 и, особенно, с весны 1949 г. в Прибалтике развернулось широкое народное движение за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, за коллективизацию. В настоящее время во всех трех республиках колхозами охвачено свыше 80% крестьянских хозяйств. Новые, увлекательные, хотя и трудные задачи встали и перед учеными Советской Прибалтики, в частности перед этнографами. Надо было в короткий срок, чтобы не отставать от

² Ленин, Соч., т. XIV, стр. 339—340.

быстрых темпов советской жизни, перестроить всю исследовательскую работу на основе методологии марксизма-ленинизма, надо было развернуть борьбу с космополитизмом и буржуазным национализмом, свившим гнездо среди некоторой части интеллигенции молодых советских республик, надо было восстановить и расширить разрушенные немцами научные институты, университеты, музеи и библиотеки, надо было, наконец, организовать полевые исследования, основной целью которых в наши дни стало изучение новых форм культуры и быта колхозного крестьянства. Под руководством партии и Советского правительства, при активной помощи со стороны русских ученых, этнографы Литвы, Латвии и Эстонии преодолевают методологические и практические ошибки в своей работе, освобождаются от тяжелого груза буржуазных этнографических концепций и идут вперед по пути всестороннего изучения культуры и быта своих народов и активного участия в их социалистическом переустройстве. На следующих страницах мы расскажем о том, как разворачивается этнографическая работа в отдельных прибалтийских республиках: в исследовательских институтах республиканских Академий наук, в университетах и музеях.

2

Маленький мой край — как золотая
Капелька густого янтаря.
Он блестит в узорах, расцветая,
Льется в песнях, радостью горя.

*Саломея Нерис, Мой край
(Избранное, 1948, стр. 15)*

В Литовской ССР этнографическая работа сосредоточена главным образом в Вильнюсе и Каунасе. В древнем городе Гедимина, ставшем в наше время крупным советским промышленным и культурным центром, работу эту ведет в первую очередь Институт истории Литвы республиканской Академии наук, в ведении которого находится и Вильнюсский этнографический музей, временно помещающийся в старинном здании университета на Замковой улице. В Музее в образцовом порядке хранятся богатые и хорошо датированные коллекции по этнографии литовцев (преимущественно восточных), поляков, белоруссов и некоторых других народов. Сбор этих коллекций начался еще до Октябрьской революции и продолжался почти непрерывно до немецкой оккупации. После изгнания фашистов небольшой коллектив Музея во главе с директором В. Жиленасом возобновил полевую работу. Параллельно со сбором нового материала ведется научное описание старого. Хорошо представлены в Музее старинные литовские сельскохозяйственные орудия, поразительно сходные с восточно-славянскими: различные виды сох и плугов (в частности с деревянными лемехами), серпы (гладкие и с зубринами), косы (типа русской горбуши и типа «литовки»), бороны (плетенные и рамные), цепи и мн. др. Богаты коллекции по охоте и рыболовству; особенно интересны здесь разнообразные орудия лова: старинные рыболовы и силки, верши, ставные сети и невода, всевозможные крючки и остроги. Любопытны светильники, употребляемые при осеннем «лученьи». Аналогии с восточными славянами, особенно с русскими и белоруссами, и в этом случае бросаются в глаза. Водные средства передвижения представлены различными шитыми лодками, одноподеревками, оригинальными корытообразными двойными лодками типа белорусской «комаяги». Много моделей жилищ и хозяйственных построек; преобладают двухраздельные формы (сени «priemene» + изба «pirkia») с выделением в задней части сеней коморы («катога») и русской печью («rescius»), топящейся из избы. Внутренний план жилого дома тождественен в восточной Литве с украинско-белорусским. Интересны модели характерных для литовцев клетей — свиронов («kletis»), обычно двухэтажных и снабженных галлереей. Много предметов домашней утвари и посуды — деревянной и глиняной. Из одежды надо отметить женские рубахи туникообразного покроя («paŕš kinaĩ»), частично вышитые; тканые полосатые и клетчатые юбки («siyonai»), узорчатые передники («ziurtai»), разные головные уборы (в частности «piometas», аналогичные белорусской «наметке» и украинской «намітке»). Очень богаты также коллекции самодельных детских игрушек и музыкальных инструментов.

Этнографическая экспозиция в Вильнюсе была развернута в небольшом объеме в отделе народного искусства Художественного музея (в здании быв. Ратуши). Кроме перечисленных элементов костюма здесь выставлены замечательные образцы литовской деревянной скульптуры и резьбы по дереву (в частности трактозанные в народном духе раскрашенные фигурки Христа, богоматери и святых, так называемые «божки» — «dievukai»), яркие пояса, украшенные браным геометрическим орнаментом, различные вязаные изделия, вышивки и т. д. Богаче экспозиция по народному искусству и быту в Каунасском художественном музее, где соответствующим отделом заведует специалист-этнограф — К. К. Чербуленас. Внимание посетителя привлекают здесь хорошо выполненные модели, планы и изображения поселений (хуторов, уличных и кучевых деревень), различные орудия прядения и ткачества, очень сходные с восточнославянскими (разные деревянные прялки, самопрялки «стояки» и «лежаки», ткацкие станы, предметы, употребляемые при старинных способах тканья «на бердечке», «на ниту» и «на дощечках»). Богато представлена поливная и распис-

ная керамика, изготавливаемая и в наше время мастерами, специалистами этого дела. В центре экспозиции помещены 8 манекенов литовских женщин и девушек из различных районов страны в национальных костюмах. Любопытно бытование наплечных накидок («drobule»), напоминающих аналогичные элементы костюма у западных славян (поляки, лужичане), а также у латышей и эстонцев. Исключительно интересные сконцентрированные в Каунасском музее материалы по народному жилищу и архитектуре. Древний тип литовского жилища, в настоящее время почти исчезнувший, — «намас» («namas») — однокамерная срубная постройка с земляным полом и без потолка, с центрально расположенным открытым очагом (соответствует эстонской «коде»). Намас нередко соединялся с овином. Позднее появилось описанное выше (стр. 182) двураздельное жилище. Дальнейшее усложнение жилого дома в Восточной Литве шло по линии выделения второй избы («pirkaite»). В Западной Литве развилось более сложное жилище с выделением нескольких помещений для сна, приготовления пищи, хранения домашнего имущества и приема гостей. Особый тип жилой постройки, распространенный главным образом в Жемайтии, представляет дом с обширными центральными сенями, в которых помещается так называемый «каминас» («kamīnas»), начинающийся прямо с земли кирпичный дымоход с такой широкой нижней частью, что она может играть роль кухни, куда свободно входит человек.

Очень хорошо в Каунасском музее представлены старинные и современные литовские художественные ремесла. Большое впечатление производит коллекция поясов с богатыми ткаными узорами, не только геометрическими, как в Восточной Литве, но и растительными («тюльпанами»). Деревянная скульптура, с которой мы встречались уже в Вильнюсе, здесь очень разнообразна. Интересны фигуры деды Марии в одежде литовской крестьянки и святого Исидора-сеятеля с двумя помощниками-ангелами, которые изображены в виде пахарей, идущих за плугом. Религиозный сюжет в этих случаях очень мало связывал богато одаренных народных мастеров, которые воспроизводили в деревянных скульптурах хорошо знакомые им сцены крестьянского труда и быта. Большую ценность представляют также литовские лубочные картинки, относящиеся в массе к середине и концу XIX в. и часто насыщенные острым социальным содержанием. Особенно выразительна картинка страшного суда, напечатанная в революционный 1848 г. и изображающая богатей, царских чиновников и генералов идущими в ад, а крестьян-бедняков направляющимися в рай. В настоящее время народное литовское искусство, освобожденное от религиозных пут, вступило в полосу нового расцвета. Старинные художественные традиции используются при изготовлении различных бытовых вещей, нередко поражающих своим изяществом: вязаных перчаток и рукавиц, чулок и носков, шарфов и шапочек, деревянных письменных приборов, различных настольных фигурок, разрезальных ножей, портсигаров, пудрениц и т. д. Через кооперативные ремесленно-промышленные организации произведения литовских народных художников и мастеров находят широкий сбыт среди городского и сельского населения.

Существенным недостатком в этнографической работе музеев Литовской ССР является отсутствие в экспозиции разделов, посвященных общественному и семейному быту, социальному расслоению и классовой борьбе в старой литовской деревне, а также социалистическому переустройству сельского хозяйства. Без показа этих важнейших явлений в жизни сельского населения этнографическая экспозиция, не смотря на всю ее красочность, остается оторванной от актуальных вопросов современности, архайзирующей культуру и быт литовского народа, строящего социализм в братской семье народов СССР. Перед литовскими этнографами, работающими в музеях, стоит первоочередная задача ликвидировать отставание этнографической экспозиции от современной жизни. Вместе с тем необходимо уделить большее внимание социальным отношениям в литовской деревне на всех этапах ее исторического развития, особенно в период капитализма, который сознательно игнорировался буржуазными этнографами.

Этнографическая работа в Литве ведется и в стенах Литовского государственного университета, при котором до последнего времени существовала объединенная кафедра музееведения, готовившая специалистов по этнографии, археологии и истории искусства. Этнографические курсы на этой кафедре в 1948/49 учебном году читала доцент Ф. В. Дундулиене. Для всех историков I курса читалась «Общая этнография» с «Историей первобытного общества». Специализация начиналась с 5 семестра (в 1948/49 г. по этнографии специализировалось 16 студентов). Для специалистов были поставлены большие обязательные курсы: «Этнография Литвы» и «История быта». Большое внимание уделялось специальным курсам «Работы основоположников марксизма в области этнографии», «История первобытной религии», «Методика этнографических исследований». Организованы были специальные семинары по общей и литовской этнографии. Важную роль в подготовке будущих этнографов играла полевая практика, которой каждый студент должен был уделить не менее 35 рабочих часов. Летом 1948 г. практика проводилась в контакте с Этнографическим музеем в Свенцяном уезде (Восточная Литва). При университете в Вильнюсе существует Этнографический кабинет с небольшой, но ценной библиотекой (2 тыс. томов; среди них много польских этнографических изданий). В настоящее время учебная работа по этнографии в Литовском университете находится в стадии

реорганизации, так как в дальнейшем подготовка этнографов будет осуществляться, как и в других городах СССР, на историческом факультете. Основной задачей, которая стоит сейчас перед литовскими этнографами, работающими в высших учебных заведениях, является перестройка преподавания всех этнографических дисциплин на базе исторического материализма и новейших достижений советской исторической науки.

С этнографической работой в Литовской ССР, естественно, тесно связана работа по сборанию, изучению и опубликованию устного народного творчества. Проводится она преимущественно Фольклорной секцией Института истории Литвы. Значительное место в деятельности секции занимает анализ литовских лирических песен «дайнь», которых записано до 7 тыс. отдельных текстов с вариантами и до 2¹/₂ тыс. различных мелодий. Содержание дайн очень разнообразно: есть среди них песни семейные, любовные и обрядовые, земледельческие, солдатские, песни-плачи и песни-загадки. Наряду с дайнями собираются и другие виды фольклора. Проф. И. Балджусом и несколькими научными сотрудниками ведется работа по изданию трехтомного сборника литовских народных сказок, ранее не опубликованных. Заканчивается подготовка хрестоматии по фольклору, предназначенной для учащихся университетов и других высших учебных заведений. В кабинете фонограмм ведутся записи и изучение литовской народной музыки. Руководителем этого кабинета проф. Юрга подготовлено к изданию 250 песен Виленщины, записанных преимущественно им самим. Сборник песен должен, по мысли автора, стать практическим руководством для учителей и руководителей музыкальных кружков. Центральное место в работе фольклорной секции в последние годы заняли темы, связанные с изучением фольклора Отечественной войны. Записано много песен и сказов о немецкой неволе, о героической борьбе литовских партизан с фашистскими захватчиками, о Советской Армии и т. д.

К сожалению, публикация фольклорных и этнографических материалов и, особенно, исследовательских работ отстает от их накопления. Необходимо, чтобы статьи литовских этнографов печатались и обсуждались на страницах как местной, так и центральной научной печати. Живой обмен опытом этнографов Литвы и других советских республик поможет им полностью преодолеть еще не изжитые ошибки, связанные с влиянием различных буржуазных концепций.

3

И великий пахарь плугом мощным
Борозды ведет по ниве мира,
Лемехами, как мечами, землю
Рассекает, к солнцу подымая
Нижние пласты — и оживляет,
Мощное являя плодородье,
В сад цветущий землю превращая.

Ян Райнис, Задачи будущего (Избранная лирика, 1948, стр. 204)

В Латвии этнографическая работа протекает в несколько иных организационных формах, чем в Литве. В системе Академии наук Латвийской ССР существует Институт истории материальной культуры, в котором с 1946 г. организована группа этнографии (руководитель ст. научн. сотрудник Д. Э. Земзаре). В настоящее время группа работает по пятилетнему плану, утвержденному президиумом Академии. Д. Э. Земзаре уже закончила монографию в 5 печ. листов: «Значение работ Фр. Бривземнека и Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии для развития латышской этнографии». Труд этот в ближайшее время будет издан отдельной книгой, в которой автор показывает, насколько глубоки и прочны были связи между латышскими и русскими учеными и какую большую роль сыграли последние в развитии молодой латвийской этнографии. Вторая тема, над которой работает группа этнографии, это история латышских народных ремесел. Уже собран большой вещественный, описательный и иллюстративный материал, дающий яркое представление о возникновении, развитии и современном состоянии таких художественных ремесел, как резьба по дереву, поливное гончарное дело, изготовление игрушек, узорчатое тканье, вышивка и вязание, филлигранный металл и т. д. Исследование это ценно тем, что оно устанавливает яркость и самобытность латышского народного искусства и намечает перспективы его дальнейшего развития в социалистическом обществе. С 1946 г. Институт истории материальной культуры начал систематическое этнографическое изучение Латвии, организовав, в первую очередь, экспедиции в те районы, которые до последнего времени оставались мало обследованными. За три года (1946—1948) проделана большая работа по изучению культуры и быта различных групп латышского народа, в частности латгалцев. Интересные данные по культурному взаимодействию разных национальностей собраны во время поездки в районы Лудза и Резекне, где соприкасаются области расселения латышей, русских и эстонцев. Летом 1949 г. продолжены работы в Латгалии и в Екабпилском уезде; особое внимание обращено на изучение новых культурно-бытовых явлений в жизни латышской деревни в связи с массовым народным движением за коллективизацию сельского хозяйства.

Помимо Института истории материальной культуры работу по этнографии в Риге ведет Этнографический отдел Исторического музея, экспозиция которого разместилась в нескольких залах старинного Рижского замка, превращенного в настоящее время в музейно-архитектурный памятник. Основу коллекций этнографического отдела (зав. М. Я. Гринбергс) составляют вещи, собранные для выставки, которая была открыта в Риге в 1896 г. по случаю Археологического съезда. В мае 1948 г. к Народному певческому празднику отдел развернул специальную экспозицию по национальному костюму, представляющую большой научный и художественный интерес. Основными элементами женской народной одежды латышей являются: рубаха туникообразного покроя, сходная с литовской (в Латгалии — с наплечными прямоугольными нашивками в виде «погон»), шерстяная юбка (редко в сочетании с передником), жакет («jaka», далеко не везде). Старинные головные уборы замужних женщин сводятся к 3 главным типам: головному полотенцу («galvasauts»), аналогичному восточнославянской «намитке», распространенному преимущественно в Латгалии, шапочке («beruše») и чепцу («mitces»). Девичий головной убор — «vainags» — славянский «венок» или «венец», — в некоторых районах Курземе с твердой основой. Интересны локальные различия женского костюма. В Латгалии, например, не носят фартуков и жакетов, орнамент близок к славянскому (много красного цвета). В Видземе широко распространены наплечные накладки («vilaine»), застегивающиеся на груди богато украшенной пряжкой («sakta»); в орнаменте много зеленого цвета, из головных уборов преобладают чепцы. В Курземе вилайне застегивают не на груди, а на плече, часто встречаются вилайне без орнамента и юбки темного цвета из вертикальных полос (как у эстов и ливов, прежде населявших этот край). В Вентспилском округе — юбки из горизонтальных полос, напоминающие панёву (славянский тип). В районе Лепая — центр производства янтарных украшений (застежки, броши, ожерелья, серьги и др.). В настоящее время старинный костюм в будни почти не носят, но в праздничные дни его надевают охотно. Особенно большую роль в сохранении и дальнейшем развитии национальной одежды играют массовые певческие праздники. В Историческом музее открыта также выставка современных кустарно-художественных изделий. Хорошо представлены узорчатые тканые вещи (пояса, покрывала и др.), фигурная расписная керамика, ювелирные украшения, резьба по дереву и деревянная скульптура. Прекрасно выполнена из дерева танцующая пара латышских крестьян (работа 1948 года).

Третьим центром этнографической работы в Риге является известный музей «Бривдабас», расположенный в 12 км от города на живописном берегу озера Югла, в сосновом лесопарке. Этот единственный в СССР Этнографический музей на открытом воздухе (директор Н. П. Типайнис) имеет свою длинную и поучительную историю. Организация музея началась с 1924 г. и скоро стала подлинно народным делом, в котором власти буржуазной Латвии почти не принимали участия. Для создания музея было учреждено на добровольные взносы специальное общество, в котором главную роль играли представители прогрессивной демократической интеллигенции, в частности студенческой молодежи. Музей был открыт в 1928 г.; общее число экспонатов в нем достигает 2 тыс.; они размещены в 48 объектах — памятниках народной архитектуры, перевезенных в Бривдабас из всех 4 основных «земель» Латвии: Видземе, Курземе, Земгале и Латгале. Во время немецкой оккупации музей был варварски разграблен захватчиками: погибло почти все внутреннее убранство, остались одни постройки. Восстановление музея началось в 1944 г., сейчас же после освобождения Риги. В настоящее время в музее 17 сотрудников. Ежегодно, зимой и летом, они выезжают в поле за экспонатами, размещаемыми в дальнейшем в музейных помещениях. Перечислить все памятники Бривдабаса в коротком очерке нет никакой возможности³. Отметим только, что памятники эти дают ясное представление об истории латышского народного жилища, о его этнографических и социальных вариациях. Огромный научный интерес представляют, в частности, такие памятники, как летняя кухня в форме конического шалаша («ciboku slietenis») из района Валмиеры, постройки 1850 года, различные виды клетей («klēts»), очень сходные с литовскими, жилые риги («dzīvojamās rīgas») из северной Латвии (аналогия с эстонским старинным жилищем), курная изба («dumistaba») лепайского рыбака, жилой дом («dzīvojamā ēka») зажиточного курземского крестьянина с центральным кирпичным дымоходом («mantelskurstenis»), соответствующим жмудскому «каминас» (см. выше, стр. 183), старинные церкви XVI—XVIII вв. и многие другие. Памятники Бривдабас-музея показывают самобытность и богатство латышской народной архитектуры и, в то же время, позволяют проследить ее связи с архитектурой соседних народов, особенно литовцев, эстонцев и русских. Особенно большое сходство с восточнославянским жилищем обнаруживают постройки латгальцев, для которых характерно широкое распространение трехраздельного жилого дома, состоящего из сеней («nams»), избы с русской печью («kambaris» или «istaba») и неотапливаемого летнего помещения. В настоящее время руководство Бривдабас-музея стремится к пополнению коллекций, обращая особое внимание на показ социальных различий в жилище старой латышской деревни, которые система-

³ Подробнее о Бривдабас-музее см.: П. И. Кушнер, Государственный музей народного быта Латвийской ССР (Сов. этногр., 1948, № 3, стр. 164 сл.).

тически затушевывались буржуазными этнографами. Встает перед работниками Музея и задача отражения в экспозиции новых особенностей жилища латышских колхозников.

Подготовка молодых этнографов в Риге осуществляется совместно с подготовкой фольклористов на кафедре фольклора Филологического факультета Латвийского государственного университета. Кафедрой руководит доц. Я. Я. Ниедры — видный ученый и активный коммунист, неоднократно подвергавшийся репрессиям в буржуазной Латвии. Для всех историков I курса кафедра осуществляет чтение лекций по общей этнографии (32 часа). Для искусствоведов II курса поставлен особый цикл по латышскому народному искусству (32 часа). Для всех филологов на 1—2 семестрах читается курс «Латышский фольклор», на 3—4 семестрах проводится соответствующий семинар. Для русского потока организованы аналогичные курсы по русскому фольклору. Специализация начинается с 4-го года обучения. Темы специальных курсов: латышский повествовательный фольклор, народные латышские песни, белорусский фольклор, русский фольклор и др. В качестве спецкурса читается также Я. Я. Ниедры латышская этнография (68 час.), которую в 1948/49 учебном году слушали более 20 человек. В этом курсе следующие основные разделы: историография, этногенез латышей, формирование этнической карты Латвии, материальная культура, социальные отношения, народная идеология, значение этнографии для социалистического строительства. Перестройка всего преподавания этнографии на основе марксистско-ленинской методологии имеет большое значение в борьбе с тяжелым наследием реакционной буржуазной науки, влияние которой еще ощущается в работах некоторых латышских ученых. До конца разоблачить антинаучную «теорию» о заимствованном, западном происхождении культуры латвийского народа, показать его глубокие исторические связи с русским народом, сосредоточить внимание на изучении новых культурно-бытовых явлений современности, — таковы главные задачи, встающие в наши дни перед передовыми работниками этнографической науки в Латвийской ССР. Работа фольклорной кафедры университета проходит в тесной связи с деятельностью Института латышского фольклора Академии наук Латвийской ССР (директор проф. Р. Пельше). Фольклорный фонд этого института — около 2 500 тыс. произведений латышского народного творчества. В этом фонде почти 900 тыс. разнообразных песен (в том числе много лирических «дайн», сходных с литовскими), около 86 тыс. сказок и сказов, 500 тыс. загадок, свыше 250 тыс. пословиц и поговорок, 17 770 народных мелодий и т. д. Фонд непрерывно пополняется. В 1948 г. под редакцией Я. Я. Ниедры вышел первый сборник латышских сказок на русском языке⁴. Сказки эти отличаются высокой художественной и социальной остротой: они проникнуты в большинстве случаев ненавистью к немецким баронам и латышским кулакам, а также чувством горячей симпатии к русскому народу.

Летом 1949 г. Институтом фольклора были развернуты работы в Огрском уезде, где удалось записать много произведений устного народного творчества, посвященных революционным событиям 1905 г., социалистическому строю, организации первых латышских колхозов. Особый интерес представляют сказы о Ленине и Сталине, записанные со слов колхозников Анны Юмтыньш (85 лет), Альберта Дундур, Эльзы Шульце, Петерса Упитса и др.⁵ Сказы эти высокохудожественные по форме, проникнуты глубокой любовью к великим вождям народов СССР и всего трудящегося человечества.

4

Народ — сын Калева — всегда будь силен,
И стой, отчизна наша, как скала!
Твою отвагу муки не сломили,
Сквозь сотни лет ты доблесть пронесла,
Воспрянула свободною страной
И солнце ярко засияло над тобой.

Гимн Эстонской ССР

В Советской Эстонии работы по этнографии ведутся преимущественно в Тарту, где находится их основной центр — Эстонский народный музей, входящий в систему республиканской Академии Наук (директор Музея И. К. Калдмаа). Музей был основан еще в начале XX в., но в царской России, а позднее в буржуазной Эстонии не мог широко развернуть свою работу, хотя и собрал большие материалы по самым различным явлениям народной культуры и быта. Когда в 1940 г. Эстония стала советской, музей впервые получил прочную материальную базу и перед ним открылись совершенно новые перспективы работы. Немецкое нашествие прервало начавшуюся перестройку деятельности музея. В музейном здании были размещены немецкие военные части, которые при отступлении сожгли его. Большую часть фондов удалось спасти только благодаря усилиям сотрудников, которые эвакуировали коллекции в

⁴ Латышские сказки. Рига, 1948.

⁵ См. сообщение в «Литературной газете» от 6 августа 1949 г. (№ 63).

деревню и скрыли их от фашистских варваров. Восстановление музея началось сейчас же после освобождения Эстонии в 1944 г., когда в его распоряжение было предоставлено Советским правительством новое помещение. В настоящее время в этнографическом отделе музея числится около 50 тыс. экспонатов, в культурно-историческом отделе — около 10 тыс. Библиотека содержит около 6 тыс. книг на русском, эстонском и других языках. Возобновлена работа музея с корреспондентами, которых сейчас уже более 200. Среди них много крестьян и представителей сельской интеллигенции: учителей, агрономов, врачей и др. Снова развернуты прерванные войной экспедиционные работы, среди которых надо отметить комплексное изучение культуры и быта населения острова Кихну в Рижском заливе (1948 г.). С 1947 г. возобновлено издание ежегодников Народного музея: в № 1, кроме ряда работ, посвященных конкретным этнографическим вопросам, помещены две руководящие установочные статьи: С. П. Толстова «Этнография и современность» (перевод на эстонский язык статьи, опубликованной в № 1 «Советской этнографии» за 1946 г.) и Х. Моора «Эстонская этнография становится советской»⁶. Содержание ежегодника и общее направление деятельности Народного музея за последние годы свидетельствуют о стремлении большинства эстонских этнографов перестроить свою работу на основе марксистско-ленинской методологии и связать ее с задачами социалистического строительства.

Однако в Эстонии, как и в других Прибалтийских республиках, в отдельных этнографических работах еще сказывается влияние буржуазных «теорий», стремившихся оторвать этнографию от современности, представить ее как науку о старине, которая должна заниматься изучением одних только архаизмов и пережитков. Неслучайно некоторые статьи в только что упомянутом сборнике Народного музея оказываются чисто описательными «вещевадческими», уводящими в прошлое (напр. работы Х. Юпруса о серебряных бусах или А. Вийреса о верховой езде).

Развернутая к началу 1949 г. экспозиция Народного музея открывается хорошо выполненными моделями хутора эстонского крестьянина-бедняка и мызы немецкого барона. И дальше на фоне резких социальных контрастов проходит перед посетителем тяжелая жизнь старой эстонской деревни, сохранившей, несмотря на многовековой иноземный гнет, самобытную и богатую культуру. На выставке можно видеть старинные сельскохозяйственные орудия, однолемешный деревянный плуг, в который на островах Сарема и Хюма когда-то запрягали волов («vaapasaderg»), двузубую соху («hakaderg» или «sahk»), вероятно, славянского происхождения, косы (горбушу, характерную для юга Эстонии, и более позднюю литовку), серпы — гладкие и с зубринами (последний тип древнее) и т. д. Очень интересны деревянные фигурки духа урожая «Пеко» (Peko), связанные со своеобразным культом плодородия, распространенным в старину у сетукезов. Богатый материал выставлен по бортничеству и пчеловодству, по скотоводству, по общественной помощи, широко практиковавшейся среди эстонских крестьян во время уборочных работ (так наз. «talgud»), соответствующей славянской «толке». Внимание этнографа привлекают также предметы, связанные с охотой на тюленя у проруби (остров Кихну), различные орудия рыболовства, сходные с летто-литовскими и восточнославянскими, богатая коллекция по прядению и ткачеству, содержащая, в частности, приспособления для плетения на вилочке, ткань на нуте, на дощечках и на бердечке (аналоги с латышами, литовцами, белорусами и русскими). Хорошо представлены в экспозиции разнообразные эстонские художественные ремесла: узорчатое тканье, вязанье, кружевное дело и ковроткачество. Любопытны, в частности, ворсистые ковры-пледы, изготовленные на островах в XVIII в. Богатые фонды Народного музея дают возможность специалисту познакомиться и с другими сторонами прежнего народного быта эстонцев, не отраженными в экспозиции. Заслуживают внимания многочисленные планы, рисунки и фото различных построек: конической летней кухни «koda», каменной кухни «рааги» (на Сарема), каменного погребца (там же), различных вариантов, характерной для эстонцев «жилой риги» («rehetuba») и др. Почти необозримы коллекции по народному костюму, головным уборам, обуви, украшениям. Преобладающий покрой женской и мужской рубахи у эстонцев — туникообразный (как у литовцев и латышей). У сетукезов часты рубахи «новгородского типа» с прямыми поликами (русское влияние). Специфичен для эстонцев особый лиф с пришитыми рукавами (он так и называется «kaised» — «рукава»). Художественно выполненные узорчатые пояса, вязаные перчатки, варежки, носки и другие вещи поражают яркостью красок и разнообразием орнамента.

Надо пожелать, чтобы Народный музей усилил в экспозиции показ общественных отношений в старой эстонской деревне и обратил особое внимание на изучение новых культурно-бытовых явлений в жизни эстонского крестьянства, связанных с его переходом к коллективному социалистическому хозяйству.

В Тарту сосредоточена не только музейная и исследовательская, но и учебная работа по этнографии, развернутая при кафедре археологии Историко-филологического факультета Тартусского государственного университета (зав. кафедрой проф.

⁶ Eesti rahva muuseumi nastaraamat, Uus sari I (XV), Tartu, 1947. Резюме статей на русском и английском языках.

Х. Моора). На кафедре 2 специальности: археология (в 1948/49 уч. году — 8 студентов) и этнография (7 студентов). На I курсе для всех историков читается введение в этнографию (в течение всего года). Специализация начинается со 2-го года обучения. Для будущих этнографов на 3—4 семестрах организован большой курс «Этнография народов СССР, в частности эстов» (аспирант А. Вийрес). На протяжении четырех семестров (5—8) читается для специалистов расширенный курс общей этнографии с семинаром. Для студентов 4-го и 5-го годов обучения поставлены специальные курсы и специальные семинары по славянской и финской этнографии, по народному эстонскому костюму, по народному изобразительному искусству и др. После II, III и IV курсов студенты-этнографы (как и археологи) проходят летнюю полевую практику в экспедициях, организуемых совместно с Народным музеем. Большой интерес для этнографа представляет также учебная и исследовательская работа, проводящаяся в Тарту по смежным дисциплинам. Тарту — единственный город в Прибалтике, где существует кабинет антропологии (при кафедре зоологии позвоночных Биолого-математического факультета). Работой кабинета руководит проф. Ю. Ауль, собравший значительный материал по этнической антропологии эстонцев, латышей, жигор и води. Для студентов-зоологов IV курса проф. Ауль читает семестровый курс «Общая антропология» (3 недельных часа лекций и 2 часа практических занятий). Подготовка фольклористов осуществляется на Историко-филологическом факультете. Исследовательская работа по фольклору ведется в Эстонском литературном музее (директор тов. Хаберман) и в Фольклорном секторе Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР (зав. сектором проф. Э. Лаугастэ). При участии фольклористов в Тарту (Э. Лаугастэ, П. Аристэ) недавно издан на русском языке эстонский народный эпос «Kalevipoeg»⁷. Как антропологи, так и фольклористы в своей работе тесно связаны с Народным музеем. Они принимают, в частности, участие в большой коллективной работе музея, посвященной систематическому описанию физического типа, культуры, быта и народного творчества эстонцев в их историческом развитии и современном состоянии.

В столице Эстонской ССР — древнем Таллине — нет специального научно-исследовательского или учебного этнографического центра. Однако в Художественном музее, расположенном в Екатерининском дворце в Кадрнорге (пригород Таллина), существует Отдел народного искусства, в котором выставлены коллекции Тартусского Народного музея. Здесь хорошо представлены оригинальные эстонские изделия из кожи (сумки, тисненные переплеты для книг, альбомов и записных книжек, бьювары, портсигары и т. д.), деревянная мебель и утварь, часто украшенные богатой и сложной резьбой, керамика, фарфор, ювелирные филигранные украшения, узорчатые тканые и вязаные вещи (пояса, перчатки, чулки, гетры и др.). Изготовление всех этих предметов в настоящее время ведется под руководством Института художественной промышленности в Таллине (директор проф. Э. Адамсон). Большой интерес для этнографа представляет также исследовательская и экспозиционная работа, развернутая Эстонским историческим музеем, основанным после освобождения Прибалтики от немецких захватчиков в 1945 г. (директор музея О. В. Саадре). К XXXI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции осенью 1948 г. в музее открыта выставка, посвященная истории Эстонии с древнейших времен до установления советской власти в 1940 г. Богатые археологические коллекции, дополненные многочисленными макетами и иллюстрационным материалом, дают возможность проследить историю хозяйственного и культурного развития населения Эстонии с эпохи мезолита (VI—V тысячелетия до н. э.) до кануна немецко-датского нашествия (конец XII в. н. э.). Хорошо показаны в экспозиции героическая борьба эстонского народа с иноземцами в XIII—XVII вв. (в частности знаменитое восстание «Юрьевой ночи» в 1343 г.). В разделах, посвященных эпохам позднего феодализма и развития капиталистических отношений (XVIII—XIX вв.), много бытового материала (модели помещицкой мизы и крестьянского хутора, хорошая коллекция старинных сельскохозяйственных орудий, манекен крестьянской женщины с острова Сарема в национальном костюме и др.). Интересно построена экспозиция по эстонскому национальному возрождению конца прошлого столетия. Здесь много данных о деятельности Ф. Р. Крейцвальда, К. Р. Якобсона, И. В. Янсена, Лидии Койдулы и других участников этого движения (книжки и газеты того времени, портреты, фотографии, письма и т. д.). Умело подобран материал и по истории рабочего и революционного движения в Эстонии. Любопытны, в частности, подлинные знамена революционных профсоюзов 1905 и 1917 гг. Много места уделено документам, рисующим подпольную работу коммунистической партии Эстонии в годы буржуазной республики. Заканчивается выставка материалами, отражающими восстание 1940 г. и вступление Эстонии в Советский Союз. Подготавливаются к открытию отделы, посвященные участию эстонского народа в Великой Отечественной войне, восстановлению и развитию хозяйства и культуры в Эстонии после войны, социалистическому переустройству сельского хозяйства и колхозному движению.

Н. Н. Чебоксаров

⁷ «Сын Калева», Эстонский народный эпос, Гос. изд. художеств. литературы, М., 1949.